

Миронов Александр Ананьевич

Крупная операция. Поедешь старшим

Я родился в 1961 году в Перми. Русский, православный.

В составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане служил с 1983 по 1985 год. Был награжден медалью «За боевые заслуги».

В 1989 году окончил актерский факультет Российской академии театрального искусства (РАТИ-ГИТИС) и был принят в труппу Центрального театра Советской, ныне Российской, армии, где служу по сей день. Член Союза театральных деятелей России (СТД) и Российского союза ветеранов войны Афганистана

Моя родина – Пермь, и хотя я уже много лет живу в Москве, частичка моей души навсегда осталась в этом городе. Там живет старший брат, там похоронен самый близкий мне человек - мама.

Жизнь нашей семьи ничем не отличалась от других. В шесть лет меня отдали в школу, а когда я её окончил, то сразу пошел работать на завод. Пермь в советское время была крупным промышленным центром, рабочие профессии были очень востребованы и почетны.

Я стал рабочим Машиностроительного завода имени Октябрьской революции. Трудился на конвейере, в механосборочном цехе на должности слесаря механосборочных работ. Занятие не столько тяжелое, сколько

монотонное и однообразное, отнимающее много сил. Но работать надо было, надо было помогать маме.

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, стал работать в полную силу, как все взрослые, оставался после смены сверхурочно, работал в выходные дни – все это оплачивалось дополнительно, и я старался заработать как можно больше, считал, что мужчине недостойно получать маленькую зарплату.

На заводе я проработал два года. Это был хороший жизненный опыт. Уйти с завода мне пришлось по состоянию здоровья. Надо сказать, что в детстве я очень часто болел воспалением лёгких. Как-то, уже на заводе, во время очередной диспансеризации доктор предложил: «Давай-ка, мы тебе сделаем бронхоскопию». Меня положили в больницу на обследование, сделали бронхоскопию, и врач сказал: «С таким заболеванием ты не пойдёшь служить, да и с завода надо уходить». В результате я получил «белый» военный билет и пошел работать на железную дорогу проводником служебных собак в военизированной охране. Так прошли еще два года моей жизни, а я ни на шаг не приблизился к своей давней мечте.

Я мечтал о театре, об актерской карьере. Еще до школы, маме, после моего импровизированного выступления, кто-то сказал: «Лиза, сын у тебя будет знаменитый артист!» В школе я выступал со сцены на различных мероприятиях и вечерах, потом пошел в драматическую студию при Дворце культуры, играл в народном театре самые разные роли - и современные, и классические.

Некоторые из моих коллег по народному театру стали студентами Пермского института культуры, а кто-то успешно поступил в московские творческие вузы, и я подумал, что если у них получилось, то почему бы и мне не попробовать. И я решил, что попробую. Поэтому, оставив работу на железной дороге, я стал готовиться к экзаменам в ГИТИС. Когда наступило время вступительных экзаменов, я приехал в Москву и сдал документы в институт.

Вскоре состоялось собеседование. Неожиданно для себя, я прошел все туры и был зачислен. Нас было четыре абитуриента, у кого были «белые» военные билеты. Борис Гаврилович Голубовский, мой будущий художественный

руководитель, сказал: «Ребята, я вас беру учиться. Вы уже прошли, экзамены сдали. Но, постарайтесь понять меня правильно: сейчас такая ситуация... Вы точно уверены, что не пойдете в армию?» Мы все были в этом твёрдо уверены, но жизнь внесла свои коррективы.

Человек предполагает, а Бог располагает.

В декабре 1979 года Советский Союз ввёл свои войска в Афганистан. В армии стало не хватать контингента, и появилось негласное, нигде не опубликованное, закрытое постановление руководства страны, разрешающее забирать в армию из институтов, не имеющих военной кафедры, студентов, окончивших первый курс. Те, кто закончил второй и третий курсы, уже не попадали под это постановление.

Во время учебы на первом курсе военкомат отправил меня на обследование в 64-ю Московскую городскую больницу, где мне в очередной раз сделали бронхоскопию. В результате был поставлен диагноз – двусторонний гнойный эндобронхит второй и третьей степени. Доктор вновь сказал: «Нет, с такой болезнью для армии ты не годен». Но я ещё не знал, что на очередной медкомиссии от Дзержинского райвоенкомата города Москвы меня признают ограниченно годным к строевой службе в регионах с сухим климатом, куда я, собственно, и попал спустя некоторое время. По окончании учебного года, через два дня после сдачи всех экзаменов, держа в руках повестку, я явился на сборный пункт.

Что я тогда чувствовал? Мне казалось, что всё произошло так, как угодно Господу. Произошло и произошло, и теперь от меня зависит лишь то, как к этому относиться.

Уже несколько лет шла война в Афганистане, но нигде это не афишировалось. Передавал лишь «Голос Америки» из Вашингтона, а в наших газетах открытой информации не было. В 1983 году, окончив первый курс ГИТИСа, меня отправили служить в Афганистан, где я пробыл до 1985 года. Там все служили по два года - и офицеры, и солдаты срочной службы.

После сборного пункта нас привезли на Казанский вокзал. Уже тогда мы начали отдаляться от мирной гражданской жизни – начиналась воинская служба. С собой у нас было много мешков, вещей. Хорошо, что тогда было тепло: где-то в закутке в ожидании, когда подадут состав, мы ночевали прямо там, на асфальте, подложив под голову свои

мешки. Нас было примерно 200 человек. Под утро поступили команды: «Подъем! Сбор!» Мы вошли в вагоны и в течение трех дней через казахские степи продолжили свой путь к древнейшему среднеазиатскому городу Самарканду, где всех нас ожидали в учебной бригаде связи, в войсковой части в/ч 52922.

Сразу в Афганистан никого не отправляли - сначала было необходимо адаптироваться. Например, те, кто приходил служить водителем (в Афганистане нет ни одного километра железной дороги, передвигаются там либо за рулем, либо по воздуху), проходили карантин чуть меньше месяца в среднеазиатских республиках СССР, чтобы привыкнуть к климату.

Большие нагрузки, долгие стояния на плацу под палящими лучами солнца выдерживали не все. Бывало, стоишь, смотришь - справа один «поплыл» и осел. Товарищи ему помогают, стараются поддержать и опустить на землю. Потом - второй, третий. Их подхватывали под руки и отправляли в санчасть. Сам же я где-то на десятый день службы немало удивился, когда, протирая окна нашей казармы, увидел свое отражение в стекле и с трудом себя узнал - похудел очень сильно.

В «учебке» я получил специальность связиста, и мне было присвоено воинское звание «сержант».

После адаптации мы прибыли в Кабул, где располагалась наша воинская часть. С этого момента все письма, которые мне присылали родные, приходили по такому адресу: ВЧ п/п 52011 – 103-й полк связи.

Непривычным и странным всё казалось поначалу, нужно было привыкать к новой обстановке. Более того, я впервые оказался за рубежом Советского Союза.

Переписка и посылки – было дорого любое воспоминание о доме. Большой поддержкой, не позволяющей упасть духом, были письма родных, друзей, знакомых. Моя девушка начала мне писать, еще не зная адреса. С тех пор, как я ушел служить, она писала каждый день! В первые дни службы, получая письма от родных, я думал, что где-то там далеко дом, Союз, друзья. Там – жизнь, полная интересных впечатлений, а я отделен от всего этого, вокруг меня лишь горы.

Одним из самых ярких впечатлений от первых дней службы осталась поездка в Баграм, где нам показывали трофейное оружие и боеприпасы противника. Мы увидели большие рифлёные пластиковые итальянские мины, «мины-лягушки», советское оружие и стрелковое оружие русского производства: ижевские и тульские винтовки, сохранившиеся с 19-го века. Самыми поразительными были английские винтовки, называемые «БУР». Они, как и наши «трёхлинейки», отличались дальностью полёта и убойной силой. До прихода советских войск английская армия находилась в Афганистане более ста лет, но так и ушла, не покорив этот народ. В память о «БУРах», пули от которых легко пробивают стальную броню наших «БТРов» (бронетранспортёров), «БМПшек» (боевая машина пехоты), «БМДшек» (боевая машина десанта), я привёз на цепочке одну из таких пуль.

Обстреливали нас постоянно РС-ми (реактивными снарядами), минами, фосфорными минами. Однажды на моих глазах даже сбили вертолет. А как свистят пули, я слышал, наверное, почти каждый день.

С водой там были большие проблемы – приходилось набирать ночью. Обычную воду пить нельзя, иначе можно заболеть желтухой, поэтому во время адаптации в «учебке» нас приучили пить кипяченый настой из верблюжьей колючки. Сначала он казался неприятным, но потом мы привыкли. На самом деле вкус его не противен, даже напоминает зеленый чай.

Одним из самых близких моих друзей в армии стал Павел Глинков из Белоруссии. Вначале я общался лишь с «однопризывниками», кого призвали одновременно со мной. Отношения со старослужащими складывались сложнее. Павел тоже считался старослужащим, он был призван на полгода раньше меня. И был гораздо опытнее, имея за плечами выходы на боевые операции в составе полевых узлов. Однажды Павел предложил мне работать в паре, перенимая его опыт работы на аппаратной связи «Эльбрус». Впоследствии я занял его должность начальника аппаратной. Вместе мы прошли через многие эпизоды войны.

Одна боевая операция мне запомнилась особенно. Ночью мы выехали из полка в направлении Саланга в Суруби и поднялись высоко в горы.

Саланг – это перевал, в котором находится известный тоннель, сделанный с помощью советских специалистов - метростроителей. К моменту нашего выхода из него на небе уже заиграл рассвет, лучи солнца окрасили горы в алые и пурпурные тона, а вдали виднелось лазурное озеро, окаймленное песчаными скалистыми берегами. В той операции командиром батальона был всеми уважаемый майор Семёнов. Павел в шутку нас назвал «бандой атамана Семенова».

Однажды в Баграме произошел такой случай. Паша был на дежурстве в аппаратной, а я спал в палатке. Утром просыпаюсь, иду умываться. Смотрю, повсюду какие-то воронки. Спрашиваю: «Паша, а что здесь случилось?»

- Да нас ночью обстреляли!

- Чем?

- РС-ми и миномётами, да и вон ещё хвосты от фосфорных мин валяются.

- А я даже не проснулся!

Мы обычно ночевали в палатках и постоянно слышали шум, грохот. Рядом стояла батарея артиллеристов, поэтому установки залпового огня «Град» работали постоянно. А когда траектория их полёта проходила над нами, то нас волной от пусковой установки даже слегка прижимало к земле. И мы с нетерпением ждали, когда, наконец, пролетит крайний, тридцать шестой, снаряд. В «комплекте» у каждой установки их было по 36.

Повторюсь, со старослужащими в первое время были непростые отношения. Поскольку мне исполнился уже 21 год, многие из них по возрасту были младше, но имели гораздо больше военного опыта. Установить нормальный контакт помогла песня. Прозвучал вопрос: «А на гитаре кто-нибудь из вас играть умеет?» Я с готовностью откликнулся. Играть на инструменте я нигде не учился. Гитара, язык песни стали для нас лейтмотивом общения и средством сплочения. Песня сопровождала нас на протяжении всей службы.

С местным населением мы почти не общались. Нам запретили налаживать какие-либо связи. Поведение местного населения было абсолютно непредсказуемо, и в этом заключалась опасность. Никто не мог предугадать на что способен, например, торговец овощами. Сегодня он любезно беседует, а завтра берет оружие и направляет его против нас. В

Афганистане совершенно другой уклад жизни. Даже летоисчисление иное: во время моей службы там шли 1363-1365 года. Кстати сказать, мы были гораздо уязвимее, чем местное население. Они знали каждую тропку, каждое ущелье, а мы, приехавшие из равнинной местности, долго привыкали к высоким горам. Не было приспособленности и к жаркому, сухому климату. Даже потребление воды грозило тифом и другими болезнями. Более того, жару не выдерживала и техника. Хотя тогда она прошла хорошие испытания и показала себя с лучшей стороны.

Душманы – очень коварный народ. Бывало, они приезжали в советские боевые части на машине и среди бела дня открывали огонь РС. У них было оружие, против которого у наших войск не оказалось защиты. Например, большие противопехотные пластиковые мины. Ни одна машина саперов была не в силах их обнаружить! Также душманы использовали так называемые «Стингеры» - снаряды, поражающие самолёты. Они реагируют на тепло, поэтому в полете определяют положение самолета и точно его подбивают.

Служба в армии для любого молодого человека – это испытание. Многие юноши, приходящие в армию, начинали курить. Я же, в силу своего характера, решил, наоборот, бросить и с первого же дня сделал это.

С самого начала службы я настроил себя таким образом, чтобы песня всегда звучала в моей душе и была рядом, что бы ни случилось. Вспоминаются занятия французским языком в институте. Преподавателем французского языка у нас была Любовь Григорьевна Пепеева, которую мы все очень любили. Она приносила на занятия магнитофон, и мы слушали поговорки, пословицы, песни, развивая к языку интерес. Однажды прозвучала композиция Мишеля Сарду «Напевая», ставшая мне очень близкой по духу. Она как раз о том, что жизнь гораздо менее безнадежна и трагична, если идти по ней с песней. Эта песня стала моим спутником, и, может быть, даже учителем, поскольку в дальнейшем я шел по жизни, напевая.

Истинные качества души человека нигде не проявляются лучше, чем во время тяжелых жизненных испытаний. А на войне, тем более, каждый человек раскрывает свою сущность.

Мне суждено было увидеть и примеры отваги, и примеры слабости.

Во время моей службы в Афганистане я познакомился со многими замечательными людьми. Моя жизнь была и остается наполненной необычайными встречами.

Одна из них – встреча с Павлом Глинковым, о котором упоминалось выше. Я и Павел всегда друг друга поддерживали - песней или шутками. Мы были молоды, поэтому любили розыгрыши. Однажды в Суруби мы вместе дежурили в ночную смену. Время тянулось томительно долго, и нам пришла мысль подшутить над товарищами. Что же могло быть лучше, чем разыграть настоящее землетрясение, бывшее нередким явлением в Афганистане? Природа сама подсказала, какую шутку сыграть! И мы, недолго думая, раскачали аппаратную связи, которая располагалась на базе ЗИЛ-131. Вася Сокрута, дежуривший внутри, стремительно выскочив из КУНГа (кузов унифицированный нулевого (нормального) габарита), по достоинству оценил нашу шутку.

Павел был человеком удивительной широты души. В 1988 году он отправился в Армению, в Спитак, оказывать помощь пострадавшим от землетрясения, случившегося 7 декабря. В Афганистане он не был ни разу ранен, а в Спитаке получил тяжелую травму ноги. Ему сделали операцию, после которой пострадавшая нога не была восстановлена полностью и стала короче на 7 сантиметров.

После службы мы продолжали общаться, переписываться. Одна из встреч состоялась в день 15-летия вывода войска из Афганистана, другая – во время его свадьбы в Белоруссии.

Командир нашей роты, капитан Мазуров, был примером отваги и мужества. Он много участвовал в боях, честно и смело исполнял служебный долг. За это все его уважали и любили. Впоследствии ему на смену пришёл другой командир, его звали Сергей, по фамилии Быканов, он был в звании капитана. С ним сложились хорошие отношения, но не лишённые некоторого напряжения - он был для нас новым человеком, пришедшим на смену всем полюбившемуся капитану. К сожалению, не все смогли с ним поладить.

В армии свои законы, там жизнь протекает по уставу. Мы не имели права покидать территорию части без согласия

начальства. Будучи уже опытным, прослужив достаточно долго, я не боялся недовольства нового командира. Помню, решил покинуть пределы части. Иду по тропинке, занятый своими мыслями, и вдруг мне навстречу выходит капитан Быканов. Конечно же, по долгу службы он обязан был вернуть меня. Именно это он и сделал.

Спустя много лет мы случайно встретились. Стою как-то в магазине и вдруг чувствую на плече тяжёлую, крепкую руку. Повернулся...

- Привет! Не помнишь меня?

- А, товарищ капитан! Здравствуйте, здравствуйте!

- Уже майор... в запасе.

Этот человек был тем самым капитаном Быкановым! Мы разговорились, обменялись телефонами. И вдруг я услышал от него неожиданный вопрос: «Ты на меня не обижаешься за тот случай?» Это он о случае моего ухода из части. Все же, как удивительна наша жизнь - человек помнил об этом столько лет! Тогда, будучи в Афганистане, он не мог задаваться подобным вопросом - всем управлял устав. А сейчас, при нашей встрече, уже можно было раскрыть свою душу.

В начале моей службы в Афганистане 103-м отдельным полком связи командовал Николай Петрович Лясколо. В 1983 году он был в звании подполковника, впоследствии, уже перед заменой и отправкой в Союз, он получил воинское звание полковника и, в свои 36 лет, продолжил служить на Родине. Через много лет моих коллег по театру и меня пригласили на концерт, посвященный празднику 9 Мая. К моему удивлению, ведущая вызвала на сцену генерал-полковника Н.П. Лясколо. Помню, как она говорила обо мне и Николае Петровиче: «В зале присутствуют два человека, прошедшие вместе войну в Афганистане. И сегодня, после долгих лет, они снова встретились». С первого ряда поднялся, подошёл ко мне на сцену убелённый сединами человек, мы обменялись рукопожатием. Это был он, уже генерал-полковник, начальник войск связи Вооружённых Сил РФ, к тому времени уже закончивший службу и находившийся среди ветеранов ВОВ, поскольку концерт был посвящён им.

После того, как я вернулся за кулисы, ко мне подошёл генерал-лейтенант со словами: «Значит, с генерал-полковниками ты обнимаешься, а генерал-лейтенанту даже

руки не подашь?» Я увидел знакомое лицо. «Кохан, моя фамилия. В 1984 году был лейтенантом, командиром роты, и располагались мы ниже, на первом этаже той же казармы, где был и ваш ПУС (ПУС – полевой узел связи), но вы, как я понял, как тогда не замечали тех, кто находится ниже вас, так и сейчас». Мы улыбнулись, посмотрели друг другу в глаза и обнялись. Был повод поднять рюмки и молча вспомнить о тех, кто не вернулся - это наш традиционный третий тост.

Бывало, война напоминала о себе в случайных встречах. Как-то от театра я был направлен в командировку в Душанбе, где располагалась 201-я дивизия, отмечающая свой юбилей. Там я познакомился с удивительным человеком, Ахлямом Газалиевым. Он тоже служил в Афганистане, но в десантных войсках. Впоследствии, вернувшись на родину в Екатеринбург, он начал писать музыку и стихи. Там же он познакомился с Михаилом Батиным, с которым они вместе создали много прекрасных песен, в том числе и об Афганистане. К сожалению, сейчас уже нет в живых ни Ахляма, ни Михаила. Теперь уже их голос можно услышать лишь из магнитофона. В память о Михаиле Батине, который ушел из жизни раньше, Ахлям написал такую песню:

Вот и стал, Миша Батин, ты автором слов.
К ним пришёл ты нескоро, но честно.
На войне, где, как сок, проливается кровь,
Не чернилами пишутся песни.

Припев:
А судьба одна, и нет двух.
У неё свой мёд и свой яд.
Ты испил уже всего, друг,
Ты хватил уже всего, брат.

Есть такая мужская надёжная связь:
Мы повязаны памятью тесно.
Знаешь ты, знаю я, что война – это грязь,
Но светлы наши общие песни.

Припев:
Даже если на излом вдруг
Бросит снова мир тебя в ад,
Сохрани свой честный звук, друг,
Сбереги свой добрый свет, брат.

Сколько дней мы, Мишаня, знакомы с тобой,
Сколько спето и выпито вместе.
Знаешь ты, знаю я, что война – это боль,
Но от боли рождаются песни.

Припев:
Никому не разорвать круг,
Если этот круг сердцам свят.
Небо воздуха нам даст, друг,
И земля поддержит нас, брат.

Будь здоров, десантура,
Твори и держись!
Каждый раз умирая, воскресни.
Да, война - это смерть,
Но, конечно, и жизнь.
Впереди у нас новые песни.

Припев:
Я хочу тебе сказать вслух,
Что сегодня быть с тобою я рад,
И я счастлив, что ты мне друг,
А точнее, что ты мне брат.

Моя служба проходила в войсках связи. Они всегда считались элитными. Наша задача заключалась в том, чтобы обеспечить скоординированную связь между всеми родами войск: авиацией, ракетчиками, разведкой. Если мы идем на боевую операцию, нас ставят в середину колонны. Если операции были большие, нас всегда сопровождали вертолеты, которые, как правило, летали парами.

Как обычно строится колонна? Впереди идут сапёры. Они занимаются разминированием противотанковых, противопехотных мин. На инженерно-сапёрной гусеничной

машине, идущей впереди колонны, прикреплен большой валик, под которым взрываются «мины-лягушки». Далее следуют пехотинцы-стрелки и десантники. А после – войска связи. Как говорится, «нерв армии», ведь связь должна работать всегда! Но мы в любом случае в невыигрышном положении: если подбивают первую машину, подбивают последнюю, то мы уже в «коробке» и никуда не можем деться. Это отработанная тактика противника.

Когда мы передвигались в колонне, то в КУНГе с двух сторон был достаточно толстый слой аппаратуры, который и защищал нас от шальных пуль и осколков. Аппаратура предназначалась для того, чтобы зашифровывать сигналы-команды, поступающие с пункта управления операцией так, чтобы противник не мог их расшифровать. За нами шли мотострелки и вновь десантники. В самом конце - две САУ (самоходные артиллерийские установки).

Колонна всегда обстреливалась, но пули, реактивные снаряды, мины до нас не долетали.

Тем не менее, из моего взвода трагически погибли два человека. Они возвращались из Кабула в нашу войсковую часть и не доехали 500 м до КПП - их расстреляли в упор из автомата. Одним из них был Виктор Кантылёв, родом из Белоруссии, из-под Могилёва. К тому времени он отслужил всего год, неделей раньше мы вместе праздновали его 20-летие. В Виктора попало три пули. Смерть наступила мгновенно.

Несколько дней длилось оцепенение. Кровать, на которой спал Витя, была заправлена, стояла его фотография в траурной рамке. Он всегда с нами. Вот так погибли эти люди, будучи даже не на боевой операции.

А как меня обошло подобное? Основное население Афганистана – люди, говорящие на пушту и дари. Самые большие языковые группы в Афганистане – это пуштуны и дарийцы. Более того, среди населения есть афганские таджики, узбеки, казахи, киргизы и другие. Там, где находится Кандагар, существует активное движение радикальных исламистов - талибов. То есть, народ Афганистана делится на определенные группировки.

Лидером одной из группировок был Ахмад Шах Масуд, очень известный человек. Насколько я тогда понимал, у нас с

ним было какое-то негласное соглашение, потому, что, когда мы проходили контролируемые им территории, нас не обстреливали. Хотя со всех сторон горы, и ничего не стоит остановить и заблокировать колонну. Во время одной из операций мы проходили по контролируемой им территории.

До Ургуна мы дошли нормально. Потом я внезапно заболел - поднялась высокая температура, около 40. Подозревали инфекцию, что вполне естественно. Меня вертолётom отправили обратно в часть, в Кабул. Со слов товарища, Павла Глинкова, когда они возвращались, то попали под обстрел. Причем, там, где не ожидали, на территории Ахмад Шах Масуда. Паша с ребятами, выполняя приказы командиров, залегли под колёса и отстреливались. Обошлось без потерь.

После одной из крупных боевых операций, которая проходила в Панджшерском ущелье, я был представлен к награде «За боевые заслуги». Чем она ценна мне? Точно такие же медали вручали солдатам Великой Отечественной войны. Многие солдаты свои награды получали позже, уже по возвращении домой, а мне медаль торжественно вручили в Афганистане на плацу, в присутствии всего нашего 103-го отдельного полка связи. Это был апрель 1985 года. Кроме этой награды у меня много других, юбилейных, например, медали по случаю 15-летия, 20-летия вывода войск из Афганистана. Они не боевые, а памятные, и отношение к ним другое. В дни торжеств, памятных дат или на встречах с ветеранами ВОВ я надеваю только одну – «За боевые заслуги». Но бывает это нечасто.

На службе я продолжал думать о своей учебе в институте, думал о том, как дальше развиваться, чтобы не потерять в столь жестких обстоятельствах навыки, приобретенные на первом курсе. По возможности, вспоминал тексты пьес, в которых принимал участие, размышлял над ними, когда получалось читать – читал, пополнял свой «багаж» новыми «афганскими» песнями.

В апреле 1984 года в нашу войсковую часть приехала группа актеров Центрального академического театра Советской армии. В ее составе были многие известные и любимые зрителям артисты, такие как Л. Чурсина и А.

Покровская. Судьба будто нарочно свела меня с этим театром, ведь теперь он - часть моей жизни. И только теперь я понимаю неслучайность этого события. Впервые я встретился с артистами в момент, когда жизнь и меня и их проверяла на прочность. Мог ли я знать, наблюдая за выступлением актеров, что в будущем сам буду играть на театральных подмостках. В то время, когда в нашей части проходили спектакли, в Афганистане шла другая «игра» - жестокая и страшная война.

В театре существует команда актёров-военнослужащих, в которой проходили срочную службу (и до сих пор проходят) ребята, имеющие театральное образование. Порой и меня спрашивают: «Раз вы играете в театре Российской Армии, значит, вы там и проходили воинскую службу?» На что я даю однозначный ответ: «Нет, я проходил службу в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, оказывая интернациональную помощь афганскому народу». Теперь и я выезжаю на гастролы и с концертами во многие гарнизоны и военные части. Я отправляюсь в эти поездки с огромным удовольствием. Я могу принести какую-то пользу молодым ребятам, поделиться тем, что испытал сам, так как знаю, какое значение имеет для солдат встреча, общение с людьми, которые говорят на понятном им языке и даже иногда поют знакомые им песни.

Вдалеке от Родины, близких людей, каждое воспоминание о доме ценно и дорого. Стоит ли говорить, что даже на войне у нас были светлые и радостные дни? Они были! Порой часы службы озарялись именно такими напоминаниями о доме. Мы были преданы Советскому Союзу, проникнуты его традициями, сложившимся образом жизни. В СССР отмечали праздники, которых теперь нет, а тогда они были целыми событиями. Не забывали о них и мы, будучи в Афганистане. Помню празднование 7 ноября. На Родине в этот день всегда проводились демонстрации и парады. А для нас, тогда молодых солдат, оказавшихся в незнакомом, чужом месте, это были светлые мгновения - был устроен праздничный «фейерверк» тысячами молниеносно летящих пересекающихся трассирующих пуль на фоне дворца Амина (другое название Тадж-Бек), в котором тогда находился штаб 40-й армии. С неба плавно спускались сотни осветительных кассетных ракет РО-

П35. Они опускались с очень большой высоты и озаряли огромное пространство. Это было ни с чем несравнимое зрелище - небо словно усеялось множеством медленно падающих звезд.

Климат Афганистана жаркий и сухой. Но перенести жару и засуху было гораздо легче, чем другую напасть - неизбежный, вездесущий ветер «афганец». Он не был частым явлением, тем не менее, приносил много неприятностей ребятам. Он переносил мелкий песок-пыль, который проникал в самые узенькие щелки зданий и машин. Единственное, что хоть как-то могло помочь от него уберечься – это герметичное пространство. Например, КУНГи, кузова машин, где располагалась наша аппаратура. Бывало, выезжаем мы колонной на боевую операцию. На открытой местности разворачиваем ПУС (полевой узел связи), и тут дует «афганец». От него невозможно укрыться! А сделать лишний шаг, куда-либо перейти еще опаснее – вокруг всё заминировано нашими или афганцами. Становится тяжело дышать, мельчайшие частички пыли, песка забивают нос, начинает першить в горле. Пожалуй, это можно прочувствовать, если сравнить «афганец» с пожаром, дымом, которым доступны все самые дальние уголки.

Порой нас ожидала большая удача. Бывало, местные ребята, которые служили там, где мы разворачивали полевые узлы, позволяли сходить в их баню, а при бане бывали бассейны. Мы с удовольствием пользовались этой возможностью и были рады освободиться от пыли, принесенной этими ветрами. Но время проносилось мгновенно, и не успев отдохнуть, мы слышали отдаленные крики: «Ребята, все, пора собираться, наши вернулись! Хозяева приехали!» И мы, чистые, свежие, выходили навстречу ехавшим на броне БТРа «хозяевам». А лица у них черные-пречёрные, не видать ничего – только сверкают белки глаз! Вот уж точно, что от пыли никто не укроется!

Теперь, по прошествии долгого времени, для меня это не просто слова песни. Они связаны с конкретными воспоминаниями - ужасающими эпизодами той войны. БМП – это боевая машина пехоты. Мне суждено было увидеть, как

однажды одна из БМП взорвалась на мине. Мина насквозь пробила верхнюю и нижнюю части брони. Вырвало, раскидало в разные стороны катки. Водителя взрывной волной выбросило из машины. Он получил ранения, повредил ногу, но чудом выжил. К счастью, и другие члены экипажа спаслись. Но сам факт, само явление того, как огромную, стальную, казалось бы, непробиваемую машину насквозь дырявит мина, наводит ужас.

Первое землетрясение

Не пробыв в Афганистане и месяца, довелось нам почувствовать, что земля под нами живая, и дышит она, как и мы. Землетрясение для этих мест так же обычно, как снег или дождь для средней полосы России. Проснулся я, оттого что двухъярусная кровать, на которой я спал, заходила ходуном. «Может, старослужащие напоминают о своем статусе?» - промелькнула мысль. Открываю глаза - на потолке лопаются лампочки. И через мгновение команда дневального: «Подъём!» Мы вскакиваем, наспех одеваемся и выбегаем со второго этажа на улицу. Строимся перед казармой. Старшие пытаются нас припугнуть, мол, чуть помедлите, и накроет вас, как слепых котят. Эти казармы строили афганцы, строили еще при Амине, для себя, и свою надежность эти стены доказали не один раз. А вот офицеры жили в фанерных домиках барачного типа, называемых «модулями». И санчасть была таким же сооружением. Однажды и мне довелось пережить очередное землетрясение в таком модуле в санчасти. Забавно. Сижу, прислонившись спиной к батарее, греюсь. Вдруг стены закрипели и начали шевелиться из стороны в сторону! Но минуты через три все закончилось.

Кроме «афганца» была в Афганистане и другая напасть, от которой невозможно укрыться. Август всегда встречал нас огромным нашествием мух. Именно этот месяц стал пиком их засилья. С ними никак нельзя было бороться! Осталось самое неприятное впечатление - куда бы я ни пошел, повсюду жужжали и роились мухи. Приходилось смиряться и с этим, что было крайне трудно!

Последние дни службы были «веселые». Уже вышел приказ, и я собирался домой. И вдруг вечером в полк, когда я уже собирался лечь спать, на узике приехало начальство:

- Ну что, молодежь кругом? Крупная операция. Поедешь старшим. Готов?

- Готов.

- Ну, тогда давай, экипируйся и вперед!

И в этот момент что-то немножко защемило. Мыслями я был уже дома, ведь осталось всего два дня! А теперь не давали покоя вопросы: «Почему? А вдруг?» Молодых не могли отправить на крупную боевую операцию, а меня могли. Судьба послала мне новое испытание.

На ту пору у нас на узле тех, кто мог и знал, что нужно делать в непредвиденной ситуации, практически не было. Паша Глинков уже полгода, как был дома, в Минске, и командиры решили, что сержант Миронов сможет справиться с этой задачей.

Мы вышли на определенную точку из Кабула и начали разворачивать полевой узел. Но потом вышел новый приказ, отменивший операцию, и я, сидя на броне БТРа, в очередной раз, оглядывая Кабул и окрестности, вернулся в часть. К моменту окончания службы я находился на должности начальника аппаратной связи.

На Родину мы возвращались из Кабула на Ил-18, долетев до Ташкента. А от Ташкента до Москвы – на аэробусе. Помню, что была задержка с билетами – желающих поскорее улететь было много, и билетов не хватало. Но, к счастью, этот вопрос всё же решился.

В армию я уходил одним человеком, а возвратился домой другим. Встречу с родными, близкими невозможно описать – её нужно просто видеть! После возвращения отношение друзей, знакомых было очень уважительным - служил не где-нибудь, а в Афганистане!

Поразительно, но в течение восьми лет после моего возвращения мне снилось, как меня вновь призывают служить в Афганистан, вновь и вновь приходит повестка. Я задавал один и тот же вопрос: «Как же так? Ведь я уже служил в Афганистане!» Тем не менее, меня призывали служить. Чем

больше проходило времени, тем реже это снилось. Афганистан долго не давал о себе забыть.

Человек предполагает, а Бог располагает. Если бы я не был в армии, я был бы совершенно другим. Сейчас нет ни малейшего сожаления о прошедшем. Вокруг меня было очень много людей, которых можно назвать настоящими героями. Я рад, что знаком с ними. Я был счастлив, выполнить свою скромную миссию - поддерживал ребят музыкой, песней. Песня, образная и емкая по форме, всегда рассказывает свою историю, утешает душу и сердце, лечит раны. Она была с нами на протяжении двух лет службы. И остаётся с нами до сих пор.

Октябрь 2011 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Филина Елена Константиновна**, студентка 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.*